

Утренний туман принес с собой резкий, тяжелый запах гниющих трав. Шэнь Циньгэ, почувствовав, как этот затхлый дух заполняет носоглотку, приподняла полог кареты.

Перед ней вдоль тракта тянулись покосившиеся лачуги, над которыми в слабом утреннем ветре бессильно трепетали выцветшие погребальные стяги, издавая глухое хлопанье. Несколько женщин, исхудавших до состояния живых скелетов, с тупым безразличием ворошили деревянными палками костер, в котором сжигали одежду. Искры разлетались в стороны, оседая на их потрескавшихся матерчатых туфлях, но никто не обращал на это внимания — трещины на обуви казались шрамами, оставленными временем и горем.

— Госпожа, впереди временный лечебный пункт, — кучер крепче сжал вожжи. Лошадь нервно перебирала копытами, стараясь не наступить на тело, прикрытое циновкой посреди дороги. Цокот копыт отдавался в сердце Шэнь Циньгэ тяжелым ритмом.

Она поправила спрятанный в рукаве чехол с серебряными иглами, вспоминая наставление отца перед отъездом: «В этой борьбе с эпидемией скрыто множество течений. Помни: не высывайся и не будь слишком заметной».

Лечебница располагалась в полуразрушенном Храме Городского бога. Красный лак на когда-то величественных воротах давно облупился, а у входа вповалку лежали стонущие больные. Их жалобные крики, сплетаясь в единый гул, вызывали невольную дрожь.

Едва Шэнь Циньгэ переступила порог, ее обдало резким запахом спиртного. Откуда-то сбоку протянулась рука с массивным перстнем из нефрита.

— Такая нежная барышня, небось, и коптис от шлемника отличить не сможет? — Господин Ли, облаченный в чиновничье одеяние шестого ранга, прищурился. Его нефритовая подвеска на поясе отозвалась мелодичным звоном, который в этой гнетущей обстановке прозвучал вызывающе громко.

— Господин, вы шутите, — Шэнь Циньгэ отступила в сторону, уклоняясь от винного перегара. Ее мутило, но путь к аптечке преградил бородатый лекарь.

Лекарь Ван, поглаживая козлиную бородку, насмешливо фыркнул:

— Неужели Главный лекарь Хань совсем выжил из ума, раз прислал на такое дело желторотую девчонку?

В углу раздался звон разбитого керамического горшка. Лю Жуянь, с прической в виде двух пучков, поспешно присела, собирая лекарственные остатки:

— Сейчас, госпожа, я заварю свежий отвар!

Когда она подняла голову, Шэнь Циньгэ заметила на ее шее отчетливый след от кнута. Она узнала в девушке бывшую помощницу из Императорской медицинской академии, которую выгнали в прошлом году — за то, что та отказалась добавить лишние три цяня женьшеня в рецепт для знатной особы.

Полуденное солнце нещадно палило, черепица на крыше раскалилась до предела. Шэнь Циньгэ коснулась заплесневелых трав и почувствовала бессилие. Жимолости было на треть меньше положенного, в полыни попадались сухие ветки, а вместо пестика для растирания лекарств лежала обычная обгоревшая палка.

Лю Жуянь прошептала, склонившись к самому уху:

— Прошлой ночью опять вывезли две телеги зерна из государственных складов. Сказали, на нужды Управления речных перевозок...

Леденящий душу крик прорезал тяжелый воздух. Четверо дюжих молодцов внесли на дверном полотне старика — его лицо отливало синевой, а пальцы скрючились, как когти хищной птицы.

— Лекарь Ван, спасите! — пожилая женщина рухнула на колени, ударяясь лбом о каменный пол.

Лекарь Ван попятился:

— Дыхание остановилось, готовьтесь к похоронам. — Он бросил косой взгляд на Шэнь Циньгэ:
— Если барышня Хань не верит, пусть попробует сама?

Шэнь Циньгэ коснулась запястья старика и отдернула руку — кожа была ледяной. Ее зрачки сузились. Это не обычная болезнь: внутри меридианов метался чужеродный поток ци, что-то до боли знакомое... Она вспомнила свиток Канон ядов Южного края из кабинета отца.

Игла из рога носорога в потайном отделении аптечки стала теплой на ощупь — отец вручил ей этот инструмент перед отъездом, сказав, что он закален в жире южных русалок.

— Возьмите три цяня гастродии и пять цяней высушенного земляного червя, разотрите в порошок, — скомандовала Шэнь Циньгэ, расстегивая ворот одежды старика. В ее пальцах уже зажаты три серебряные иглы.

Лю Жуянь хотела было исполнить приказ, но Господин Ли с размаху пнул ступку:

— Поглядим, как дочка Главного лекаря Хань будет воскрешать мертвецов!

Серебряные иглы блеснули на солнце. Шэнь Циньгэ затаила дыхание, слыша лишь стук

собственного сердца. Игла вошла в точку Фэн-чи, затем — косой прокол в Тянь-ту. Когда кончик иглы коснулся точки Тань-чжун, раздался странный звук, будто металл ударился о камень.

Старик издал страшный хрип, и толпа в ужасе отшатнулась.

— Шарлатанка! — не успел договорить лекарь Ван, как старик забился в конвульсиях, и из уголков его рта потекла черная пена.

На лбу Шэнь Циньгэ выступил пот. На запястье тихо звякнул Колокольчик для распознавания ядов — подарок отца. Она решительно выхватила иглу из рога носорога, спрятанную в волосах, и вонзила ее в точку Шэнь-цзюэ.

— Кха! — старик распахнул глаза и выплюнул сгусток черной крови прямо на сапоги Господина Ли.

Шэнь Циньгэ молниеносно извлекла иглу, незаметно стирая с кончика остатки синеватого налета.

Лю Жуянь подала отвар, от которого исходил едва уловимый аромат трав. Медный колокольчик под карнизом вдруг зазвенел без ветра, разнося эхо над залитым кровью полом. У лекаря Вана из рук выпала книга, а Господин Ли, побагровев, в ярости махнул рукавом и зашагал прочь.

Шэнь Циньгэ, опустив голову, протирала серебряные иглы и не заметила, как с крыши храма исчез уголок темной одежды.

Сгущались сумерки. Старик дышал ровно, а некий аптекарь, прячась в тени, судорожно сжимал в рукаве тайное письмо. Черная кровь на плитах пола медленно растекалась, а кончик иглы Шэнь Циньгэ на мгновение блеснул зловещим синим цветом, прежде чем она спрятала его в рукав.

Колокольчик для распознавания ядов едва заметно дрожал. Шэнь Циньгэ вглядывалась в крошечные кристаллы, всплывшие в луже крови — это была пудра Камня змеиного сердца, встречающаяся только в Южном крае. Она насторожилась.

— Жив... он жив! — дрожащими руками Лю Жуянь держала миску с отваром, по поверхности которого разбегались круги.

Старуха бросилась к кашляющему старику, вцепившись окровавленными пальцами в подол платья Шэнь Циньгэ. В этот момент зазвенели все колокольчики под крышей, спугнув ворон на погребальных стягах. Их карканье в сумерках звучало особенно тоскливо.

Господин Ли наступил сапогом в кровь, его перстень больно впился в плечо Шэнь Циньгэ.

— Ловко придумано, барышня Хань. Даже медицинские записи Резиденции губернатора решили самовольно поправить... — он не договорил: снаружи донеслось ржание лошадей.

Вдали поднялись клубы пыли, окрашенные заходящим солнцем в желтоватый цвет. Беженцы, услышав топот копыт, замерли в испуге, перешептываясь. Двадцать телег, накрытых черной тканью, с грохотом катились по камням, оставляя глубокие колеи.

— Господин! Это столичный обоз с продовольствием! — в храм, спотыкаясь, влетел стражник с соломой в волосах.

Лицо Господина Ли переменялось. Он оттолкнул Шэнь Циньгэ и бросился наружу, задев дверной косяк — его нефритовая подвеска разлетелась на две части.

Шэнь Циньгэ подняла осколок и провела пальцем по выгравированному знаку Перевозки. В голове мелькнуло подозрение: кажется, средства на очистку русла Хуанхэ в прошлом году проходили именно через Управление речных перевозок...

— Госпожа, берегитесь! — Лю Жуянь резко потянула ее назад.

Три отравленные стрелы пронзили аптечный шкаф прямо там, где секунду назад была голова Шэнь Циньгэ. В воздухе разлился резкий запах горького миндаля.

Снаружи зазвенела сталь. Беженцы с криками бросились врассыпную. Шэнь Циньгэ вложила остаток полыни в рот старику и выглянула в щель окна. Десяток людей в масках сражались со стражей. Главарь нападавших носил на левом запястье цепь из черного железа, на конце которой болтался обломок медной Тигриной верительной бирки — точь-в-точь такой, как недостающая часть в тайнике ее отца.

— Ловите! — Лю Жуянь бросила ей тяпку для трав, а сама схватила пестик и обрушила его на голову бандита, вломившегося в окно.

Шэнь Циньгэ нащупала иглу из рога носорога. В момент, когда она собиралась ударить в точку Цюй-чи, она заметила на шее нападавшего узор из красных прожилок — верный признак действия Гу семи дней, описанного в Каноне ядов Южного края.

Она замерла, мгновенно взяв себя в руки. Шкаф с лекарствами рухнул, разбив горшок с серой прямо под ногами бандита. Воспользовавшись его замешательством, Шэнь Циньгэ вонзила иглу в точку И-фэн за его ухом.

Когда нападавший рухнул, из его одежды выпал нефритовый флакон с выгравированной пятилепестковой сливой. Шэнь Циньгэ почувствовала, что за этим стоит нечто большее, но

времени на раздумья не было.

Когда шум схватки стих, Шэнь Циньгэ спрятала флакон. Лю Жуянь, делая вид, что перевязывает раненых, незаметно завернула отравленные стрелы в платок.

На одной из телег снаружи черная ткань сползла, обнажив край ящика из камфорного дерева, на котором клеймо было грубо соскоблено.

Когда сумерки окрасили остатки статуи Городского бога в кровавый цвет, Господин Ли вернулся с обозом. Он прошелся своими новыми сапогами по иглам в крови и с ненавистью посмотрел на Шэнь Циньгэ:

— Ночью приедут инспекторы из Императорской медицинской академии. Барышне Хань лучше держать свои руки при себе.

Шэнь Циньгэ, помешивая угли в печи, видела в отблесках пламени очертания украденного флакона. В пятую стражу, когда город погрузился в тишину, она достала из тайника Канон ядов Южного края. Засушенный цветок сливы, выпавший из книги, идеально совпал с гравировкой на флаконе, сложившись в полный семилепестковый узор.

<http://bllate.org/book/18527/1781920>